

В. Е. Гусев. *Марксизм и русская фольклористика конца XIX — начала XX века*. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1961, 179 стр.

В. Е. Гусеву принадлежат серьезные исследования по истории русской революционно-демократической фольклористики и этнографии; логическим продолжением их является рецензируемая книга. Содержание ее шире заглавия: автор говорит не только о собственно фольклористических, но и о некоторых важных этнографических проблемах. Это закономерно, так как марксисты всегда рассматривали устную поэзию в тесной связи с бытом и мировоззрением народа; широко использовался ими фольклор и как историко-этнографический источник при разработке вопросов первобытного общества, происхождения искусства и др. Все эти вопросы в той или иной мере затрагиваются В. Е. Гусевым. Достоинством его работы является то, что проникновение в этнографию и фольклористику марксизма, разработка его отдельных положений Г. В. Плехановым и В. И. Лениным рассматриваются не изолированно, а в связи с различными направлениями русской науки конца XIX — начала XX в.

В первой главе — «Предмарксистский период в истории русской этнографии и фольклористики» — исследуется сложный и противоречивый процесс освоения марксизма русской наукой. Знакомство с идеями марксизма началось в России еще задолго до того, как марксизм стал «течением русской общественной мысли и составной частью рабочего движения» (В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 15, стр. 363). Идеи марксизма оказывали воздействие также на этнографию и фольклористику, и под влиянием их даже ученые, далекие от марксизма, обращались к проблемам, поставленным в трудах Маркса и Энгельса. Так, В. Е. Гусев отмечает интерес в русской науке к первобытному обществу и искусству и заслуги в их разработке Ф. И. Буслаева и В. Ф. Миллера.

Значительное место в этой главе уделено В. В. Берви (Флеровскому) — одному из первых русских марксистов и основоположнику этнографического изучения рабочих, книга которого «Положение рабочего класса в России», вышедшая в 1869 г., была высоко оценена К. Марксом. В. Е. Гусев показывает, какой ценный материал для этнографов, занимающихся изучением культуры и быта рабочих, содержит эта и другие работы В. В. Берви, характеризует его метод и разрабатывавшуюся им проблематику. Страницы, посвященные В. В. Берви, восполняют существенный пробел в истории русской этнографии.

Анализ положений Г. В. Плеханова, имеющих отношение к фольклористике и этнографии, В. Е. Гусев уже давал в статьях, публиковавшихся в журнале «Советская этнография»<sup>1</sup>. Включение этих статей в переработанном виде в рецензируемую книгу (глава II — «Г. В. Плеханов — зачинатель марксистского изучения фольклора») вполне оправдано — в исследовании, посвященном истории проникновения марксизма в русскую науку, обойти Плеханова, конечно, нельзя.

Обращаясь к ленинскому наследию (глава III — «В. И. Ленин о народе и проблемы русской фольклористики конца XIX — начала XX века»), В. Е. Гусев не ограничивается постоянно цитируемыми (по статьям В. Д. Бонч-Бруевича и другим воспоминаниям) высказываниями В. И. Ленина о народной поэзии, а обращает внимание на ряд важных теоретических положений в его трудах, которые фольклористами в должной степени не учитываются. В главе рассматривается, что вкладывал В. И. Ленин в понятие народ, как трактовались им проблемы народного мировоззрения и народного искусства в классовом обществе. Фольклористам ленинское учение о народе и народной культуре дает ключ к правильному пониманию значения и смысла народной поэзии в разных конкретных исторических условиях.

Интересна и насыщена свежим материалом последняя, IV глава — «Художественное творчество народных масс в оценке марксистской печати». Фольклористы и этнографы в своих исследованиях до сих пор еще почти не привлекают марксистские легальные и нелегальные газеты и журналы конца XIX — начала XX в. Исключение составляют лишь дореволюционные номера газет «Звезда» и «Правда», но и они изучаются лишь в плане узко фольклористическом — выявлены публикации в них революционных и народных песен и стихотворений рабочих и оценка, которая давалась этим произведениям. Между тем в марксистской печати публикации песен и других произведений народного творчества или указания на их исполнение почти всегда сопровождалось описанием обстановки, в которой они исполнялись, говорилось о реакции слушателей и т. п. Такие описания порой превращались в развернутые этнографические очерки. Так, например, в очерке А. М. Гушина «Празднуют», опубликованном в 1904 г. в журнале «Правда», описан праздник на руднике, обрисованы разные типы шахтеров, приведены их песни. Интересные наблюдения о самостоятельных и драматических представлениях рабочих приведены в статье Н. Тамарина «На-

<sup>1</sup> В. Е. Гусев, Г. В. Плеханов о первобытном обществе и его культуре, «Сов. этнография», 1952, № 4; его же, Г. В. Плеханов и проблемы этнографии, «Сов. этнография», 1957, № 1.

родный театр» (журнал «Жизнь», 1897, № 1). Подобного историко-бытового материала на страницах марксистской печати много. Для этнографов и фольклористов этот материал особенно ценен, потому что марксистская печать фиксировала внимание не на традиционных, в значительной мере уже ушедших в прошлое явлениях народной жизни, а на проявлениях нового и прежде всего на формировании революционного сознания. Основное место при этом отводилось различным группам рабочих, быт и культура которых этнографами в этот период почти не изучались.

К сожалению, глава эта написана очень кратко, обобщенно. В ней подчеркиваются принципиальные положения, с которыми большевики подходили к народной культуре и искусству, характеризуются теоретические споры о пролетарской культуре, большой же фактический материал, служивший основанием для важных выводов, дается сжато, суммарно, иногда только называется. Здесь автора лимитировал и объем книги, о чем он сам говорит. Так, отмечая систематическую публикацию в большевистских газетах и многих журналах сообщений о пении революционных песен, дающих возможность судить о степени их популярности и изменениях репертуара, он заявляет, что приводить все их «не представляется возможным, так как одна сводка их заняла бы слишком много места» (стр. 163). А ведь эти свидетельства, так же как и наблюдения над изменениями в быту и мировоззрении рабочих и крестьян, очень важны. И надо пожелать, чтобы В. Е. Гусев, проделавший колоссальную работу по просмотру почти всей дореволюционной марксистской печати и систематизировавший опубликованные в ней материалы, относящиеся к этнографии и фольклору, дал более развернутую их характеристику и сделал эти материалы достоянием ученых.

Излишняя краткость, особенно последней главы, — пожалуй, основной упрек, который хочется предъявить автору. Основные положения книги возражений не вызывают. Можно поспорить лишь по некоторым деталям и пожелать, чтобы отдельные утверждения были уточнены или развиты. Но все это частности. В целом же исследование В. Е. Гусева, взявшего на себя сложную, но очень благодарную задачу показать роль марксизма в дореволюционной русской этнографии и фольклористике, заслуживает весьма положительной оценки. Книга имеет большое значение не только для фольклористов и этнографов, но и для деятелей советского искусства. Сейчас, когда партия мобилизует работников искусства на создание произведений, достойных нашей эпохи, на борьбу с абстракционизмом и другими проявлениями буржуазной идеологии в искусстве, очень своевременно и важно напомнить о борьбе В. И. Ленина и большевистской дореволюционной печати за высокоидейное, подлинно народное искусство.

В. Соколова

*Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова.* Издание подготовил В. Я. Пропп. Изд-во АН СССР. М.—Л., 1961, 386 стр.

В 1941 г. в Ленинграде во время блокады погиб один из виднейших советских филологов А. И. Никифоров, вся деятельность которого, по словам его биографа В. Я. Проппа, «была пронизана глубоко продуманными и вместе с тем стремительными поисками новых путей»<sup>1</sup>.

Научная деятельность А. И. Никифорова была весьма разносторонней: он занимался этнографией, литературой (в основном древнерусской), лингвистикой, палеографией, археологией, музееведением, педагогикой и — с особым увлечением — фольклором.

Фольклористические интересы А. И. Никифорова были сосредоточены главным образом на собирании и изучении народных сказок. Он подробно изучал бытование сказки, характер ее исполнения, ее функцию в крестьянском быту. Не меньше внимания он уделял и вопросам поэтики сказки. «Объединяя эти два аспекта, — пишет В. Я. Пропп, — А. И. Никифоров порывает с традицией узко филологического изучения, господствовавшего как в русской, так и в зарубежной науке. Этим А. И. Никифоров становится на принципиально новый путь изучения фольклора, продолжая некоторые из традиций революционно-демократической фольклористики»<sup>2</sup>.

В 1926—1928 гг. А. И. Никифоров совершил три поездки на Север (в Заонежье, на Пинегу и на Мезень) для собирания севернорусских сказок. Им было записано около семисот сказок от двухсот одиннадцати рассказчиков.

Особенностью методики полевой работы Никифорова был принцип максимально полной, сплошной записи бытующих в том или другом районе сказок. Он придавал

<sup>1</sup> В. Я. Пропп, А. И. Никифоров и его «Севернорусские сказки». В кн. «Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова», М.—Л., 1961, стр. 5.

<sup>2</sup> Там же, стр. 7—8.